

ПИСЬМО к А. К. ВОРОНСКОМУ

9 июля 1923 г.

Я совершенно согласен с вами, что наступило какое-то смутное время для русской литературы¹, и, разумеется, весьма резко расхожусь с разными гримасами Лефа², но признаю, тем не менее, продвижение Лефа к нам явлением прогрессивным, которое и их излечит и нам кое-что интересное даст. Я очень большой сторонник того ренессанса реализма, который, теоретически по крайней мере, всюду начинает провозглашаться. Нам буквально, как хлеб, нужен сейчас в литературе, в театре, в живописи, в музыке, в плакате, в графике реализм, притом реализм, который исходил бы приблизительно из передвижнических, классическо-реалистических основ, но, конечно, только исходил бы и был бы более резок, более демонстративен, более монументален, с легким переходом в пафос, с одной стороны, и в фарс — с другой. Причем на обоих этих полюсах я допускаю какую угодно фантастику и гиперболу, но чтобы все это исходило из ясных идей и больших эмоций. Мне кажется, что это начинает сознаваться всеми. Даже Таиров пишет мне почти слово в слово то, что я говорил ему два года тому назад, когда он сопротивлялся с этой стороны. Конечно, интересно было бы начать соответствующую кампанию. Журнал «На посту» — пуританский журнал³, уже подлинно великий пост в противовес той масленице, которую разбабахивает у нас Леф. Все это я пишу вам к тому, чтобы вы могли примериться, насколько нам по дороге, так сказать, пара вех. Практически же я должен сказать вам, что в ближайшие две недели я совсем ничего предпринять не могу. Недельки через две, может быть, можно было бы начать подумывать о работе и о том, чтобы высказаться на страницах «Красной нови» достаточно обоснованно⁴. Не думаете ли вы, что было бы полезно недели через две собрать маленькую конференцию из своих людей, близко стоящих к литературе. Давайте организованно поспорим и попробуем договориться. Конечно, на эту дискуссию (отнюдь не публичную) надо позвать только коммунистов и притом крупных, может быть, пару-другую некоммунистов, совершенно к нам примыкающих. Вопрос должен быть поставлен так: должна ли быть художественная политика в государстве? Должна ли быть художественная политика в партии? Как согласовать различные мнения, имеющиеся в недрах руководящего советского аппарата и в партийных кругах, и кому поручить в советском и партийном порядке вести достаточно твердо эту линию?⁵ Вы не заподозрите меня при этом в желании проводить какую-либо узкую линию, наоборот, я сторонник большой широты, большого охвата, но вместе с тем — не безликости, не той пестроты, жертвой которой мы в настоящее время стали. У нас ведь, буквально, кто в лес, кто по дрова.

Крепко жму вашу руку.

Нарком просвещения <А. Луначарский>

Публикация Л. М. Хлебникова.

Машинописная копия. ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 3367, л. 160—160 об. Александр Константинович *Воронский* (1884—1943), советский литературный критик и писатель, в 1921—1927 гг. был редактором журнала «Красная новь».

¹ Луначарский отвечал на письмо Воронского, по-видимому, затрагивавшее вопрос о разногласиях в литературе. Эти разногласия особенно резко выявились в 1923 г. после выхода первых номеров журналов «Леф» и «На посту». В «Красной нови» (1923, № 5) появилась большая статья Воронского «Искусство, как познание жизни, и современность. (К вопросу о наших литературных разногласиях)».

² В статье «Как нехорошо выходит! (Вроде открытого письма тов. Асееву)», помещенной в «Правде» 7 декабря 1923 г., Луначарский сообщал: «Я недавно собирался написать статью под названием „Гримасы Лефа“, где я хотел немного посмеяться над той околесицей, которую на страницах вашего журнала разводил в качестве глубокой теории коммунистического футуризма Чужак, и над разными другими крикливыми утверждениями, которыми „категорили“ большие и малые лефы...» (II, 252—253). «Гримасами» Лефа Луначарский считал прежде всего унаследованные лефовцами от футуризма формалистические черты в их творчестве и недооценку значения классического наследия. Он неоднократно критиковал также лефовские теории вроде лозунга так называемого «производственного искусства», свидетелевавшего о вульгаризаторском понимании полезности искусства.

³ В определении «пуриганского» характера журнала «На посту» Луначарский солидаризировался с Воронским, который писал о «напостовцах» в упомянутой выше статье: «Институтская нервозность, граничащая с истерикой, перемежается с таким идеологическим пуриганством, от которого вчуже становится не по себе» («Красная новь», 1923, № 5, стр. 348).

⁴ В 1923 г. Луначарский дал для «Красной нови» статьи «Марксизм и литература» и «Мораль и свобода», помещенные в № 7. (В «Очерках по истории советской журналистики. 1917—1932», М., 1966, стр. 221, ошибочно сообщается, что Луначарский не смог «разгрузиться» и выступить в 1923 г. на страницах «Красной нови».)

⁵ Совещание литераторов-коммунистов, которое предложил созвать Луначарский, состоялось лишь в мае 1924 г. при Отделе печати ЦК РКП(б).